Пауткин А.А.

ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В "ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАПИСКАХ" УЧАСТНИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 Г. КАПИТАНА Г.П.МЕШЕТИЧА

В 1991 г. впервые опубликован ряд воспоминаний участников Отечественной войны 1812 г. из собрания письменных источников Государственного Исторического музея[1]. Среди введенных в научный оборот мемуаров особое внимание привлекают "Исторические записки войны россиян с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814 и 1815 годов" капитана-артиллериста Гавриила Петровича Мешетича. Записки, датированные 1818 г., интересны не только в военно-историческом плане. Сочинение Г.П.Мешетича обладает рядом литературных достоинств, содержит материал, позволяющий судить о литературных вкусах эпохи, об особенностях восприятия древнерусской литературы в 10-е гг. XIX в. и, наконец, "Исторические записки" еще раз свидетельствуют о своеобразной преемственной связи мемуарных сочинений нового времени с рукописной книжностью русского средневековья.

Публикаторы "Исторических записок" отмечают, что это "сложный по составу и жанровой принадлежности памятник"[2]. Действительно, их автор, помимо богатых собственных впечатлений, подобно средневековому книжнику, опирался на разные источники, ориентировался, как говорили в древности, и на то, "что сказывают", и на то, что "в книгах пишется". В итоге возникла рукопись, отчасти напоминающая летописный свод. В предисловии к изданию Ф.А.Петров справедливо отмечает, что подчас строки сочинения Г.П.Мешетича "достигают уровня героической эпопеи"[3]. Что же придает рассказу столь возвышенный характер? Во многом это связано с ориентацией автора на литературные традиции средневековья и, прежде всего, на воинские повести древней Руси.

Как известно, древнерусским воинским повестям свойственны устойчивые поэтические обороты, традиционные формулы "loci communes", кочующие из века в век по многим произведениям героического содержания. Особый клад в изучение воинских формул внес А.С.Орлов[4]. Использование именно этих устойчивых оборотов очевидно, несмотря на то, что мемуарист

нач. XIX в. переводит их с древнерусского на современный русский. Приведем некоторые примеры в сопоставлении с древнерусскими текстами. В "Исторических записках" Г.П.Мешетича колонны неприятеля "чернеют, подобно тучам,.. и из оных вдруг близ, как молния за молниею, одна за другой и с громом посыпались ядра градом на стан русский"[5]. (Ср. в "Сказании о Мамаевом побоище": "На том поле силнии полъци съступишася, из них выступиша кровавыа зари, а в них трепеталися силнии млънии ото блистания мечного"[6].) Враг выступает "подобно дремучему лесу" (ср.: "выступиша полци аки борове велици") или виден "лес конных копий"; "вдали чернеют тучи копий"; "летят тучи пуль"; "тучи облаков, густого порохового дыму возносятся в воздух" и солнце "кажется в сумраке"; "быстрее молнии" летят гонцы и т.д. Всевозможные сравнения битвы с грозой ("яко гром", "яко молния"), застилаемое пылью и дымом солнце — излюбленные образы древних батальных описаний. В ходе Бородинского сражения "поле брани покрылось множеством бездыханных трупов, "по рытвинам текла ручейками кровь человеческая"[7] (ср.: "кровь течаше по удолиям яко река" или "лиющимся кровемъ аки речным быстринам на все страны" — "Сказание о Мамаевом побоище"[8]); "с обеих сторон еще падали мертвые герои" (ср.: "падаху семо и овамо яко снопове"). Отступающие французы несут "вместо оружия отчаяние" (ср.: "защитився отчаяньем якы твердымъ щитомъ" — Волынская летопись[9]).

А вот вновь фразы, восходящие к "Сказанию о Мамаевом побоище": "на глазах у воинов слезы сожаления о потерянных начальниках, товарищах и знакомых" (ср.: "Сынове же русскиа в полку его горько плачуще, видяше други свои побиваеми") или — "враги отведали их нежного хлебосольства и легли для отдыха костями на снежных постелях"[10]. Здесь мы видим своеобразное развитие образа из высказывания великого князя Димитрия: "Се уже гости наши приближилися и ведуть промеж собою поведеную переднии уже испиша и весели быша уснуша"[11]. Тут можно вспомнить и образы "Слова о полку Игореве" (битва — свадебный пир). После битвы виден "кровавый пот бранной усталости" ("утереть поту"), "молния небесная" поражает врагов — своеобразный аналог божественной помощи в битве. Нельзя не заметить и обращение к символическим образам птиц.

Наряду с завуалированными обращениями автора записок к древним текстам и, как мы заметили, прежде всего к "Сказанию о Мамаевом побоище" в сочинении можно встретить и прямое указание на этот памятник, сравнение двух битв — Бородинской и Куликовской: "Но ежели бы она (земля — А.П.) отозвалась стоном, как на Непрядве, во время Мамаева побоища, бывшему с князем Димитрием Монаху, то на русской стороне плач ее был смешанной с неутешною горестью вдовицы и рыданием девицы; на неприятельской стороне — отчаяние и

без надежды вопль и рыдание"[12]. Здесь использован почти дословно эпизод с испытанием примет в ночь перед сражением Дмитрием Волынцем. Непонятно лишь, какого Монаха (с прописной буквы) имеет в виду Г.П.Мешетич.

Таким образом, очевидно особое тяготение автора к "Сказанию". Попытаемся объяснить это, рассмотрев сочинение Г.П.Мешетича на фоне литературной жизни того времени, что позволит нам хотя бы гипотетически представить себе пристрастия и интересы этого человека, круг его чтения, уровень культуры, ибо, по признанию публикаторов, сведения о самом авторе записок ничтожны.

В эпоху 1812 г. само по себе обращение к победе на Куликовом поле наряду с событиями 1812 г. встречается достаточно часто и в высказываниях участников войны, и в литературных произведениях, писавшихся по горячим следам событий. Вспомним, например, известное письмо М.И.Кутузова помещице села Тарутина А.Н.Нарышкиной ("Отныне имя его (т.е. села Тарутина — А.П.) должно сиять в наших летописях наряду с Полтавою, и река Нара будет для нас так же знаменита, как и Непрядва, на берегах которой погибли бесчисленные ополчения Мамая"[13]) или напечатанную в "Русском вестнике" С.Н.Глинки "Речь Дмитрия Донского к войску перед сражением на Куликовоми поле". Так, уже в стихах, датированных 1812 г., мы обнаружим поэтическое обращение к героям-предкам, к великой битве с татарами. Вот лишь два примера: "Доколь Москва, Непрядва и Полтава течь будут, их не умрет слава" (Г.Р.Державин "Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества"); "Мамай с ордой татар, как волк на верный лов, зубами скрежеща бежит из нырищ, гладный..." (А.Ф.Воейков "К Отечеству"). Вообще, в поэзии первой трети XIX в., как известно, заметно активное использование образов и мотивов древнерусской литературы. Осваивалась прежде всего героика, воинское начало в памятниках прошлого. Но обработка эта даже в высокой поэзии была не столь глубокой в плане внимания к художественным средствам древней книжности. Это убедительно доказал Ю.М.Лотман[14]. Конечно, словосочетания "вихорь стрел" (В.А.Жуковский) или "обагренные кровью реки" (В.В.Капнист) могли подвигнуть капитана-артиллериста на обращение к прошлому российской словесности. Возможно и влияние классицистических монологов из озеровской трагедии "Димитрий Донской" (одноименная дума К.Ф.Рылеева будет написана только в 1822 г.). Однако у Г.П.Мешетича мы видим использование именно устойчивых формул воинских повестей. Русский офицер не просто почувствовал эпическую связь событий — подобно автору "Задонщины", он через века создает своеобразное "нестилизованное подражание" (термин Д.С.Лихачева). Отметим, что многие участники Отечественной войны избегали в своих воспоминаниях архаики, а если и прибегали к

ретроспективным аналогиям, то предпочитали античных поэтов и героев (например, А.П.Ермолов).

Как уже отмечалось, записки Г.П.Мешетича создавались в 1818 г., вскоре по завершении европейских походов. Это — начальный период освоения эпохи наполеоновских войн в мемуаристике. Еще не написаны многие известные впоследствии воспоминания, не обнародованы и иные свидетельства современников. Вспомним, например, что артиллерист неприятельской армии, майор Фабер дю Фор опубликует свои замечательные рисунки, отразившие поход в Россию, тоже много позже. Время написания записок весьма примечательно. В 1818 г. выходят из печати первые восемь томов "Истории" Н.М.Карамзина, появляется отдельное издание "Словаря исторического о бывших в России писателях духовного чина" Евгения Болховитинова. Тогда же В.А.Жуковский работает над переводом "Слова о полку Игореве", который так и не выйдет в свет до кончины поэта. Словом, это время усиленного внимания к прошлому, средним векам, древней письменности.

Все это могло повлиять на стилистический облик "Исторических записок". Однако нельзя пройти мимо популярнейших в то время сочинений Ф.Н.Глинки, с именем которого связана особая страница в истории жанра "военных записок". Думается, труды редактора "Военного журнала" были для офицера 2-й батарейной роты, 11-й арт.бригады, 4-го пехотного корпуса, награжденного, как и Ф.Н.Глинка, золотым оружием, чтением особым, вызывавшим пристальное внимание.

В 1816 г. в журнале "Сын Отечества" была напечатана статья Ф.Н.Глинки "О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 г.", включенная в состав "Писем к другу". Там-то мы и находим идеи, которые, скорее всего, повлияли на замыслы Г.П.Мешетича: "Слог в описании событий 1812 г. должен быть исполнен важности, силы и ясности... Не должно упускать из вида и древнего славянина Нестора, которого рукою водила сама истина: должно напоить перо и сердце свое умом и духом драгоценных остатков древних рукописей наших"[15]. Далее Ф.Н.Глинка в рассуждениях о русском Военном словаре упоминает "степенные книги, синопсисы, некоторые книги славянские, разные предания и летописи"[16]. Особо следует упомянуть также вошедшее в состав "Писем к другу" "Письмо генералу NN о переводе воинских выражений на русский язык", где в полемических целях предложены два варианта реляций — "полурусская" и "настоящая русская", как пишет автор, на примере именно Куликовской битвы и деяний Димитрия Донского.

Таким образом, можно с большой долей вероятности предположить, что стилистические изыскания Г.П.Мешетича были предопределены в первую очередь недавними публикациями Ф.Н.Глинки. Указать однозначно древнерусские источники, тем не менее, сложно. Какое издание или список "Сказания"

(ближайшее по времени издание 1810 г.), летописи или "Синопсис", упоминавшийся Ф.Глинкой, или какое-либо лубочное издание "Сказания" было в руках Г.П.Мешетича? Ответа на эти вопросы пока нет. Тем более, что при чтении записок обнаруживаются и иные стилистические сходства.

Попытка соединить описание социальных и природных явлений, показать воздействие стихии на обе противоборствующие стороны отчасти напоминает подобные фрагменты из Летописной книги, приписываемой Катыреву-Ростовскому, где впервые пейзаж занимает более самостоятельное место в историческом повествовании. Вот как передает Г.П.Мешетич природные явления: "Шумит уже бурный холодный ветер Севера, природа поблекла, утра осенние стали оледенелые, русские стали вкапываться в землю"[17] или: "солнце во все почти время редко освещало горизонт своими лучами, беспрестанные бурные северные ветры с снегами, вьюгами и морозами сопровождали армию и не оставляли видимыми их следов"[18].

Рассказ о заграничном походе подчас напоминает еще один жанр древней литературы — хожения. Мы знаем хожения паломников, торговых людей, дипломатических посланников и первопроходцев. Древнейшее описание европейского путешествия большой русской делегации, следовавшей на Ферраро-Флорентийский собор, составлено в XV в. безымянным ее членом. В "Записках" перед нами предстает своеобразное "военное хожение" по Европе, "дорожник", написанный человеком, идущим с армией по просторам многих государств. У этого странника, как и у многих тысяч его спутников, имеется своя цель — Париж. Только отдельные остановки в пути — это места кровопролитных сражений. Сходство с литературой хожений заметно прежде всего в сообщениях о мирной жизни Европы: города, ландшафты, архитектурные памятники. В литературе 1810-х гг. "жанр путешествия претерпевает существенную трансформацию. Складывается новый тип путевых очерков"[19]. И тем не менее знаменитые записки Ф.Глинки, И.Лажечникова и некоторые другие в той или иной мере связаны с достижениями Н.М.Карамзина. Иное дело сочинение Г.П.Мешетича. Бесхитростная, ни на что не претендующая форма повествования об увиденном в Европе как будто бы взята у древних странников: "Невдалеке за городом, видна гора, любопытная не по обширности оной, а по высоте в виде закругленного сверху шпиля: на вершине оной поставлена каменная башня, и, как нам рассказывали, она есть памятник тех времен, когда польские короли носили титул и саксонских"[20]. Г.П.Мешетича, как и средневековых путешественников, интересуют редкости, размеры, материал, форма и устройство различных увиденных предметов. В Касселе "на верху самой высоты поставлена довольно обширная башня, и на верху оной из тонкой бронзы поставлен Геркулес в виде опершегося на дубину человека... самая тончайшая часть ноги

около сустава имеет в диаметре окружности около аршина"[21]. Эти строки заставляют вспомнить описание царьградской статуи императора Юстиниана Стефаном Новгородцем. В такой же манере описаны "тридцать фигур" в рост человека из города Сент-Мишель, "высеченные из одного дикого камня"[22]. Не оставлены без внимания и средневековые замки Европы. Но это уже особая тема, позволяющая сравнить описания замковой архитектуры у разных авторов военных записок и писателей романтиков.

А.М.Панченко, говоря о топике культуры, "ее художественных и нравственных аксиомах"[23], указывает на "поразительно похожие сцены" в произведениях разных эпох. В качестве примера приводится, в частности, описание ночи перед битвой (тишина в русском стане — шум и веселие во вражеском) в "Сказании о Мамаевом побоище" и лермонтовском "Бородине" ("Но тих был наш бивак открытый"). Не будем полемизировать с А.М.Панченко по вопросу: могла ли быть тишина в ночь перед битвой в гигантском русском лагере 1380 и 1812 гг. или нет. Об этом применительно к 1812 г. пишут разные участники Бородинского сражения. Заметим лишь, что сознательное сближение описаний двух битв и войн в своем скромном сочинении капитан-артиллерист дал за девятнадцать лет до великого поэта. Г.П.Мешетич увидел эту культурно-исторчиескую преемственность, задумался над тем, что ныне назвали бы топосами или "loci communes", и построил свое описание на прямом использовании текста "Сказания" ("Шумное веселие и клики" неприятеля, "увеличившего огни" и, напротив, "русский стан ночь покрыла мертвой тишиной"[24] (даже "огней подле их бивак видно не было" — ср. в "Сказании": "И бысть тихость велика").

1812 г. оказался одновременно и роковым для сокровищницы древнерусской книжности, и вместе с тем, оживил интерес к этой литературе, национальному прошлому. Записки рядового, до недавнего времени безвестного участника Отечественной войны, относящиеся к своеобразной низовой литературе домашнего пользования (сочинение не предназначалось для печати) неожиданно дает пример более глубокого и пристального прочтения древних памятников, нежели это было у профессиональных литераторов. Автор записок творчески воспринимает древние тексты, их поэтическую форму. Он убежден, что "письмена, изображающие характеры народов и последствия их доброй нравственности, всегда должны быть в уважении и остаются памятниками полезными"[25].

---

[1] 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Из собрания отдела письменных источников Государственного Исторического музея. М., 1991.
[2] Там же. С. 26.
[3] Там же. С. 8.

4 См.: Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902.
5 1812 год. Воспоминания воинов... С. 46.
6 Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л.А.Дмитриев и О.П.Лихачева. Л., 1982. С. 43.
7 1812 год. Воспоминания воинов... С. 49.
8 Сказания и повести... С. 121.
9 Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 352.
10 1812 год. Воспоминания воинов... С. 54.
11 Сказания и повести... С. 43.
12 1812 год. Воспоминания воинов... С. 50.
13 Кутузов М.И. Письма. Записки. М., 1989. С. 450.
14 Лотман Ю.М. "Слово о полку Игореве" и литературная традиция XVIII — начала XIX в. / "Слово о полку Игореве" — памятник XII века. М.-Л., 1962.
15 Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1985. С. 209.
16 Там же. С. 211.
17 1812 год. Воспоминания воинов... С. 52.
18 Там же. С. 53.
19 История русской литературы в 4-х тт. Т. II. Л., 1981. С. 57.
20 1812 год. Воспоминания воинов... С. 56.
21 Там же. С. 64.
22 Там же. С. 67.
23 Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 202.
24 1812 год. Воспоминания воинов... С. 46.
25 Там же. С. 78.